

КАРАМЗИН 250

- 5 Владимир Кантор.** Карамзин: сотворение русского европейца
- 17 Виктор Ярошенко.** Без страха и надежды
- 46 Алексей Кара-Мурза.** Странствия Карамзина. Швейцария

Круглый стол

- 76** Вокруг Карамзина
- 96** Александр Пыпин. «Очерки общественного движения при Александре I». IV. Карамзин

Современники Карамзина

- 118** Владимир Зелинский. П.Я. Чаадаеву. Частное письмо

25 ЛЕТ. «ЗАПИСКИ О НОВОЙ РОССИИ»

- 126** Три консенсуса. Геннадий Бурбулис вспоминает
- 140** «Переворот». Беседа Е. Гайдара и В. Ярошенко 22 августа 1991 г. Расшифровка магнитофонной записи. (Публикуется впервые)
- 153** Как случился распад Советского Союза. О России и Украине. Беседа с Галиной Старовойтовой (интервью)
- 166** Андрей Козырев. Цивилизация сложно пробивает себе дорогу

Письма из редакции

- 175** «Начало»
- 184** 25 лет. Миры, ошибки, достижения. Юбилейное заседание правительства реформ
- 196** Андрей Медушевский. Эволюции государства и режима

Свободный университет

- 212** Вацлав Клаус. Мы вступили в постдемократическую эру

218 Владимир May. Егор Гайдар и уроки экономической истории

223 Мария Снеговая. Почему народы отказываются от свободы

238 Александр Эткинд. Внутренняя колонизация. Критическая теория паразитического государства

346 Наталья Лебедева. Тегеран–Ялта–Потсдам

Великобритания

366 Михаил Борщевский. BREXIT. Попытка анализа

КУЛЬТУРА

255 Андрей Грицман. Хроника текущих событий. Стихи

259 Григорий Каковкин. Жан-Жак или Идеальная баба

268 Николай Климонтович. «Та сторона». Короткий роман.

287 Алексей Цветков. За ближним востоком есть дальний восток. Стихи

290 Анатолий Курчаткин. Свобода и литература в России

381 Татьяна Щербина. Я и художники 80-х

Хроника

402 Премии Егора Гайдара

404 Всероссийская Карамзинская ассамблей

О книгах

408 Трехтомник А. Тягны-Рядно

410 Наталья Исаева. Васильев–параутопия–Абдуллаева

Ad memoriam

416 Алла Алексеевна Языкова

Artes

418 Фотопроект: Эмиль Гатауллин. Из серии «В сторону горизонта»

© Фото: Эмиль Гатауллин

ВЛАДИМИР КАНТОР

СОТВОРЕНИЕ РУССКОГО ЕВРОПЕЙЦА: КАРАМЗИН

«...наша, без сомнения,
счастливая судьба во всех отношениях
есть какая-то необыкновенная скорость:
мы зреем не веками, а десятилетиями»

Н.М. Карамзин

Пожалуй, стоит начать наше рассуждение с цитаты из статьи Василия Розанова: «Карамзин был первый русский европеец, уже не по предметам своего внимания, но по самому вниманию, по всему душевному строю — и в этом лежит тайна его обаяния для современников и его значения в нашей истории. В нем первая европейская цивилизация коснулась уже не форм нашего быта, поэтического творчества и милиции, но тронула внутреннее содержание наше, коснувшись самой души. Глубокая ли впечатлительность его, подвижность всей натуры или ранние впечатления детства, прошедшего с чужеземными музами, были причиной этого — решить трудно: но уже в первых его произведениях вполне чувствуется вся его будущность, весь переворот, который ему суждено было совершить в нашем духовном развитии. Стоит сравнить его примечания к своему переводу поэмы Галлера "О происхождении зла" (Москва, 1786 г.) с примечаниями Кантемира к его переводу Фонтенелевых "Разговоров о множестве миров", чтобы оценить всю глубину пропасти, которая их разделяет. В "Письмах русского путешественника" впервые склонилась, плакала, любила и понимала русская душа чудный мир Западной Европы, тогда как раньше, в течение века, она смотрела на него тусклыми, лишь отражающими предмет, но не отвечающими ему глазами»¹.

До Петра Великого Московская Русь воспринималась западными путешественниками почти как дикая Африка, где были свои владыки, но жизнь текла вне всяких норм, как в захваченной неприятелем стране, поскольку не было никаких гарантий жизни и собственности. Западным путешественникам казалось, что это навсегда. Но, как писал Пушкин, случай — мгновенное и мощное орудие Провидения решает многое. Необходим был культурный герой, из тех, что знали все народы, начиная от Гильгаменса. Тесея, Геракла и кончая Карлом Великим. Интересно, что, рассуждая о судьбе России, три русских мыслителя (Карамзин, Пушкин, Хомяков), независимо друг от друга употребили одну и ту же формулу: «Явился Петр». Петр Великий как явление! Как политическая и военная сила Россия вошла в Европу при Петре. Об этом писал Карамзин, но смысл петровской диктатуры он, увы, увидел прежде всего в его военных победах: «Петр Великий, соединив нас с Европою и показав нам выгоды Просвещения, неподолго унизил народную гордость русских. Мы взглянули, так сказать, на Европу и одним взором присвоили себе плоды долговременных трудов ее. Едва великий государь сказал нашим воинам, как подобно владеть новым оружием, они, взяв его, лете-

¹ Розанов В.В. Три момента в развитии русской критики // Розанов В.В. Мысли о литературе. М. : Современник, 1989. С. 185.

ли сражаться с первою европейскою армиюю. Явились генералы, ныне ученики, завтра примеры для учителей. Скоро другие могли и должны были перенимать у нас; мы показали, как бьют шведов, турков — и, наконец, французов. Сии славные республиканцы, которые еще лучше говорят, нежели сражаются, и так часто твердят о своих ужасных штыках, бежали в Италии от первого взмаха штыков русских. *<...>* В военном искусстве мы успели более, нежели в других, оттого, что им более занимались, как пужающим для утверждения государственного бытия нашего; однако же не одими лаврами можем хвастаться. Наши гражданские учреждения мудростию своею равняются с учреждениями других государств, которые несколько веков просвещаются². Примерно то же самое следом за Карамзином повторил Чернышевский: «Цель Петра была гораздо проще, практичеснее, сообразнее с его положением и понятиями. Ему нужно было сильное регулярное войско, которое умело бы драться не хуже шведских и немецких армий; ему нужно было иметь хорошие литейные заводы, пороховые фабрики; он понимал, что элементы военного могущества ненадежны, если его поданные сами не обучатся вести военную часть, как ведут ее немцы, если мы останемся по военной части в зависимости от иностранных офицеров и техников; стало быть, представлялась ему надобность выучить русских быть хорошими офицерами, инженерами, литейщиками. Раз пошедши по этой дороге, занявшись мыслью устроить самостоятельное русское войско в таком виде, как существовало войско у немцев и шведов, он со своей энергической натуре развил это стремление очень далеко и, заимствуя у немцев или шведов военные учреждения, заимствовал, кстати, мимоходом и все вообще, что встречалось его взгляду»³.

Пожалуй, единственный, кто оценил войны Петра Великого как прорыв в цивилизацию и Европу, был гениальный Пушкин: «Наконец, явился Петр. *<...>* Россия вошла в Европу, как спущенный корабль, при стуке топора и при громе пушек. Но войны, предпринятые Петром Великим, были благотворны и плодотворны. Успех народного преобразования был следствием Полтавской битвы, и европейское Просвещение причалило к берегам завоеванной Невы»⁴. Но именно Карамзин стал тем, кто совершил интеллектуальное утверждение европейских ценностей, которые создали из дикого Калибана волшебника Просперо. Иными словами, создал культурный смысл России.

И это произошло: возник тип русского европеца, молодого и сильного европеца, который, несмотря на внутренние и внешние катаклизмы в течение двух столетий, состоялся и ушел, выступив против большевизма в России, сражаясь против нацизма в Европе (две трети погибших героев французского Сопротивления — русские люди, всего в движении Сопротивления во Франции сражалось более 35 тысяч русских и выходцев из России). Но кто стоял у начала этой духовного становления, кто первым сделал интеллектуальное усилие этой духовной возглажи по превращению русских людей в европецов, по русских европецов? Попытка было немало, но решавшей оказалась деятельность Карамзина, создавшего — без преувеличения — практическую область русской духовности: прозаик, поэт, переводчик, свободно говоривший на нескольких европейских языках, путешественник, открывший Россию Европу, великий историк и незаурядный мыслитель, заложивший в России нормы цивилизованного прочтения мира. После «Писем русского путешественника», путешественника, проехавшего насквозь всю Европу, общавшегося с величайшими европеями, общавшегося с ними на разных языках, он начинает издавать журнал «Вестник Европы», в котором публикует свои статьи, формулирующие принципы русского европеизма, которые основаны не на подражании, а на *переимчивости* (русский язык богат и точен). Точно так римляне осваивали греческую культуру, а западноевропецы — рим-

скую. Быть учеником полезно, только так можно состояться. Школа и университеты не случайно существуют уже столетия.

Быть может, одно из важнейших его воздействий на русскую духовную элиту — это утверждение национального и культурного «самостояния» (как говорил Пушкин) и поиск самих себя. В одной из важнейших своих статей он писал в четвертом номере «Вестника Европы» в 1802 г.: «Я не смею думать, чтобы у нас в России было немного патриотов; но мне кажется, что мы излишне *смиренны* в мыслях о пародии своем достоинстве, а смирение в политике вредно. Кто самого себя неуважает, того, без сомнения, и другие уважать не будут. *<...>* Согласимся, что некоторые народы вообще нас просвещеннее: ибо обстоятельства были для них счастливее; но почувствуем же и все благодеяния судьбы в рассуждении народа российского; станем смело наряду с другими, скажем ясно имя свое и повторим его с благородною гордостью»⁵.

И далее чрезвычайно жестко он высказывает кредо, которое строило сознание просвещенного русского: «Есть всему предел и мера: как человек, так и народ начинает всегда подражанием; но должен со временем быть *сам собою*, чтобы сказать: «Я существую морально!» Теперь мы уже имеем столько знаний и вкуса в жизни, что могли бы жить, не спрашивая: как живут в Париже и в Лондоне? Что там носят, в чем ездят и как убирают дома? Патриот спешит присвоить отечеству благотворное и нужное, но отвергает рабские подражания в безделках, оскорбительные для национальной гордости. Хорошо и должно учиться; но горе и человеческу и народу, который будет вселенским учеником!»⁶

Мы называем Карамзина вслед за Пушкиным последним русским летописцем и первым русским историком, мы помним, что Пушкин посвятил Карамзину своего «Бориса Годунова», не всегда, правда, отдавая себе отчет, что пужа была особая точка отсчета в описаниях российской дикости, чтобы она могла стать и точкой отсчета для написания первой русской исторической трагедии (по шекспировским канонам, но нужен был материал для этих канонов). Недаром Пушкин колебался, как назвать свою пьесу, и назвал ее «Комедией о настоящей беде Московскому государству, о царе Борисе и Гришке Отрепьеве». Там, конечно, и юродивый, и сцена в корчме у Литовской границы, где Пушкин позволяет себе откровенное хулиганство, когда Отрепьев, понимая, что в Литве ведет только один путь, о нем и спрашивает молодую хозяйку: «А дальше ли до Лубянских гор?». Хулиганские «Лубянские горы» в конечном варианте Пушкин оставляет, но начинает понимать, что написалось нечто большее, чем раешная потешка. И посвятил в итоге ее Карамзину, без которого, этого размаха в понимании русской судьбы не было бы. «Драгоценной для россиян памяти НИКОЛАЯ МИХАЙЛОВИЧА КАРАМЗИНА сей труд, гением его вдохновенный, с благодарностью посвящает Александр Пушкин». Если начнули он читал «Историю» Карамзина «как свежую газету», да еще и «злободневную», то сюжет выражению, то потом он осознал, что Карамзин заложил основы русского миропонимания. Миропонимания, где Россия выглядит как часть Европы, причем важная часть. Еще до Тютчева, сказавшего, что павстрече Европе Карла Великого встала Европа Петра Великого, Карамзин, не употребляя подобной высокой формулы, показал Россию как часть Европейского материала, способную к самопознанию, а стало быть, и к тому, чтобы выразить европейскую ментальность. Ведь, строго говоря, основы древнегреческой мыслительности заложил историк Геродот. Вообще, Карамзин дал Пушкину не только материал для размышлений о России, он подарил ему великого мыслителя в друзья. Пушкин, как известно, легко сходился с людьми, но Чадаев среди всех был неразменным золотым. У Карамзина Пушкин и познакомился с Чадаевым. В Царском

² Карамзин Н.М. О любви к отечеству и народной гордости // Карамзин Н.М. О древней и новой России. Избранная проза и публицистика. М.: Московские учебники, 2002. С. 255.

³ Чернышевский Н.Г. Апология сумасшедшего // Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. М.: ГИХЛ, 1950. С. 611.

⁴ Пушкин А.С. О ничтожестве литературы русской // Пушкин А.С. Полн. собр. соч. в 10 т. Т. VII. М.-Л.: АН СССР, 1951. С. 307–308.

⁵ Карамзин Н.М. О любви к отечеству и народной гордости // Карамзин Н.М. О древней и новой России. Избранная проза и публицистика. М.: Московские учебники, 2002. С. 253–254.

⁶ Там же. С. 257.

Селе. «Когда они впервые встретились у Карамзина в Царском Селе, Чаадаеву было 22, Пушкину 17, он еще учился в Лицее»⁷.

Пустое пространство, дикую Скифию, Карамзин сумел оживить и двинуть в мир, причем не придумывая несмыслимых сюжетов, а рисуя и осмысливая то, что было. Было хорошее, писал о хорошем, были ужасы Ивана Грозного — ужаснее от злодействах Грозного ярче Карамзина не написал никто. Недаром Пушкин назвал его «Историю» не только созданием великого писателя, но и подвигом честного человека. Более того, у Пушкина было неожиданное сравнение, когда он написал, что «Древняя Россия, казалось, найдена Карамзиным, как Америка — Колумбом». Россия как целый материк, но, в отличие от Америки, — с исторической жизнью. Но почему же никто ее из европейцев не замечал, словно некий железный занавес намертво закрыл Русь от Запада? А ведь занавес был. Это татаро-монгольское нашествие. Оценивая масштабы разрушения Руси монгольскими ордами, русские историки проводили аналогию с падением Римской империи в эпоху «Великого переселения народов». «Россия, — писал Н.М. Карамзин, — испытала тогда все бедствия, претерпенные Римскою империою от времен Феодосия Великого до седьмого века, когда северные дикие народы громили ее цветущие области. Варвары действуют по одним правилам и различают между собою только в силе»⁸. Несмотря на уважение к памяти Карамзина, эффективность и внепланую убедительность сравнения, ему необходимо возразить. Во-первых, варвары, ворвавшиеся в области Римской империи, слишком долго жили по окраинам римской Ойкумены, отчасти проинтились ее духом, во всяком случае, пришли в Рим как христианс, а христианство оказалось в дальнейшем решающее влияние на их культуру. Татаро-монголы были и остались чужды христианству, обходясь с Церковью как с необходимым для их нужд орудием. Не Церковь подчинила завоевателей, а завоеватели-варвары подчинили себе Церковь. Во-вторых, германские племена попали на почву высокоразвитой античной цивилизации, складывавшейся и укреплявшейся не одно столетие. Русь же сама только-только ступила на путь цивилизации. И если германцы в конечном счете поддали под влияние покоренного ими Рима, то на Руси произошло обратное: Русь оказалась под мощным воздействием Золотой Орды. Иными словами, неокрепшая, только становящаяся цивилизация была *снова варваризована*.

И трагедия Руси, и ее историческая заслуга перед Европой были значительны. Это был путь в несколько столетий. От первых новгородско-киевских князей, которые ходили походами на Византию, до спасения Западной Европы погибающей Русью от татаро-монгольского нашествия — иными словами, спасения христианского мира. Пушкин подхватил эту мысль Карамзина: «Нет сомнения, — писал поэт, — что Схизма отъединила нас от остальной Европы (стало быть, считает Пушкин, Россия была ее частью. — В.К.) и что мы не принимали участия ни в одном из великих событий, которые ее потрясали, но у нас было свое особое предназначение. Это Россия, это ее необычайные пространства поглотили монгольское нашествие. Татары не посмели перейти наши западные границы и оставить нас в тылу. Они отошли к своим пустыням, и христианская цивилизация была спасена. Для достижения этой цели мы должны были вести совершение особое существование, которое, оставив нас христианами (то есть, для Карамзина и Пушкина, европейцами. — В.К.), сделали нас, однако, совершенно чуждыми христианскому миру, так что нашим мученичеством энергичное развитие католической Европы было избавлено от всяких помех»⁹. Спасение Западной Европы отныне стало своего рода парадигмой бытия России, той самой России, которую Запад не хотел замечать.

Становление Карамзина началось с «Писем русского путешественника». Едва ли не впервые не западный путешественник поехал в «африканскую Россию», а русский, причем весьма образо-

ванный дворянин, поехал в Европу — не учиться, как при Петре или Екатерине, а смотреть, наблюдать, делать выводы. То есть поехал как равный. Не по слухам, не по байкам, даже не по легендам, а самому все увидеть. Что за создание такое — Европа и так ли уж Россия существует вне этого пространства? Ведь европейские тексты Карамзин читает, понимает, переживает, даже начинает свое путешествие, ставя себя в контекст европейских путешественников. Более того, сообщает, что хотел писать роман из европейской жизни, но скажет его, ибо надо самому видеть, что пишешь: «Вечер приятен. В нескольких шагах от корнины течет чистая река. Берег покрыт мягко зеленою травою и осенен в иных местах густыми деревами. Я отказался от ужина, вышел на берег и вспомнил один московский вечер, в который, гуляя с Пт. под Андроньевым монастырем, с отменным удовольствием смотрели мы на заходящее солнце. Думал ли я тогда, что ровно через год буду наслаждаться приятностями вечера в Курляндской корчме? Еще другая мысль пришла мне в голову. Некогда начал было я писать роман и хотел в воображении объездить точно те земли, в которые теперь еду. В мысленном путешествии, выехав из России, остановился я ночевать в корчме: и в действительном то же случилось. Но в романе писал я, что вечер был самый ненастный, что дожди не оставил на мне сухой нитки и что в корчме надлежало мне сушиться перед камином; а на деле вечер выдался самый тихий и ясный. Сей первый ночь был несчастлив для романа: боялся, чтобы ненастное время не продолжилось и не обеспокоило меня в моем путешествии, скажет его в печи, в благословенном своем жилище на Чистых Прудах. — Я леж на траве под деревом, вынул из кармана записную книжку, чернилицу и перо и написал то, что вы теперь читали»¹⁰. Как видим, с самого начала он сообщает читателю, что он, как автор, существует в европейском контексте, который он знает лучше, чем европейцы — российское пространство. Это ему быстро становится ясно: «Между тем вышли на берег два Немца, которые в особливой кибитке едут с нами до Кенигсберга; легли подле меня на траве, закурили трубки и от скучи начали бранить Русской народ. Я, перестав писать, хладнокровно спросил у них, были ли они в России далее Риги? «Нет», — отвечали они. «А когда так, государи мои, — сказал я, — то вы не можете судить о Русских; побывав только в пограничном городе». Они не рассудили за благо спорить, но долго не хотели признать меня Русским, воображая, что мы не умеем говорить иностранными языками. Разговор продолжался. Один из них сказал мне, что он имел счастье быть в Голландии и скопил там много полезных знаний. «Кто хочет узнать свет, — говорил он, — тому надобно ехать в Роттердам. Тамто живут славно, и все гуляют на шлюпках! Нигде не увидишь того, что там увидишь. Поверьте мне, государь мой, в Роттердаме я сделался человеком!» — «Хорош гусь!» — думал я — и пожелал им доброго вечера»¹¹.

Это первое столкновение с европейским типом восприятия мира, увертюра к «Письмам», которая показывает, что Европа видит только себя. А Карамзин хочет увидеть Европу в реальности, причем не ставя себя ис выше и ис ниже собеседников. Позиция виятная — уважения и желания узнать то, чего не знаешь. Вообще-то уже в таком подходе звучит подлинно европейский подход, тот, который когда-то сделал Европу — Европой. Карамзин составил маршрут, желая посетить и пообщаться с крупнейшими умами Европы (как мы понимаем, иностранные языки были ему вполне доступны). Неожиданно в его путешествие вклинилась Французская революция, которая во многом сменила вектор его миропонимания. Как писал великий русский филолог Буслаев: «Если русская литература, со времен Петра Великого, довершая дело преобразования, имела своею задачею внести к нам плоды западного Просвещения, то Карамзин блестательно исполнил свое назначение. Он воспитал в себе человека, чтобы потом, с полным сознанием, явить в себе русского патриота. Любовь к человечеству была для него основою разумной любви к Родине, и за-

⁷ Гериенсон Михаил. Избранное. Том 1. Мудрость Пушкина. М. — Иерусалим: Университетская книга, Gesharim, 2000. С. 131.

⁸ Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. I–IV. Калуга: Золотая азбука, 1993. С. 419.

⁹ Переписка А.С. Пушкина. В 2-х т. Т. 2. М.: Художественная литература, 1982. С. 289.

¹⁰ Карамзин Н.А. Письма русского путешественника. Л.: Наука, 1984. С. 11–12.

¹¹ Там же. С. 12.

падное Просвещение было ему дорого потому, что он чувствовал в себе силу вдоворить его в своем Отечестве»¹².

Пока же приведу его визит к величайшему мыслителю восемнадцатого века, мыслителю, к идее которого вернулись искони антицы в начале ХХ века, одному из самых сложных и европейских мыслителей, давшему код европейской культуры. Начну с визита. «Вчера же (июня 19, 1789 г.) после обеда был я у славного Канта, глубокомысленного и тонкого Метафизика, который опровергает и Малебранша, и Лейбница, и Юма, и Бопшета-Канта, которого Иудейский Сократ, покойный Менделезон, иначе не называл, как *der alles zerwähnende Kant*, т.е. *все разрушающий Кант*. Я не имел к нему писем; но смелость города берет — и мне отворились двери и кабинет его. Меня встретил маленькой, худенькой старичок, отменно белый и нежный. Первые слова мои были: «Я Русской Дворянин, люблю великих мужей и желаю изъявить мое почтение Канту». Он тотчас попросил меня сесть, говоря: «Я писал такое, что не может нравиться всем; не многие любят метафизические тонкости». С полчаса говорили мы о разных вещах. <...> Кант говорит скоро, весьма тихо и не вразумительно; и потому надлежало мне слушать его с напряжением всех нерв слуха»¹³. Замечу, что мы видим разговор равных, никакого подобострастия перед западным гением. Дело не в количестве знаний, а в самоуважении. Не говорю уж о том, что с великим философом говорил великий историк. Он знал современный ему интеллектуальный Запад как мало кто. А тут все эти гении живы. Он общается с Гердером, Вильандом, смотрит живопись великих англичан и французов, переживает якобинскую революцию.

В своей работе «Что такое Просвещение?» Кант связывал совершившееся человека и его способность пользоваться собственным разумом с развитием свободы. Карамзин умел и смел пользоваться собственным разумом. Поэтому, пытаясь усвоить западноевропейские идеи, он никогда не был рабом великого имени. Приняв от Руссо принцип сентиментализма, введя его в русскую литературу, Карамзин написал знаменитую «Бедную Лизу», создавшую так называемый «лизин текст» в русской литературе. Но якобинцы увидели своего предшественника в великом Руссо, отвергшем науку и культуру, как позднее предшественником большевиков стал руссоист Лев Толстой с его великим отказом от всех завоеваний цивилизации, которая же не нужна народу. Карамзин сумел разделить Руссо-художника и Руссо-мыслителя: «Добрый Руссо! Ты, который всегда хвалишь мудрость природы, называешь себя другом ее и сыном и хочешь обратить людей к ее простым, спасительным законам! Скажи, не сама ли природа вложила в нас сию живую склонность ко знаниям? Не она ли приводит ее в движение своими великолепными чудесами, столь изобильно вокруг нас рассиянными? Не она ли призывает нас к наукам?»¹⁴ Карамзин еще республиканец, он создает новость «Марфа-Посадница» — о запитнице новгородской вольности, хотя добавляет, что Марфа была благородна, но историческая закономерность истории вела к монархии. Трагедия Франции убеждала его, что первороги чаще всего оказываются катастрофой для страны.

Он создавал стихи, которым подражали его современники, он издавал журналы, в том числе (повторю это) переживший многие годы в разных обличьях «Вестник Европы», который должен был дать русскому образованному обществу ориентир духовной жизни. Он модернизировал русскую лексику, вводя европейские слова — от промышленности до калоши. Но язык русский, в его почти нынешнем звучании, создал Пушкин, который говорил о себе, что он ударил по наковальне русского языка — и тот зазвучал. Карамзин обогатил язык словами-кальками, такими как «впечатление» и «влияние», «влюблённость», «трогательный» и «занимательный». Именно он ввел в оби-

¹² Буслаев Ф.И. Письма русского путешественника // Буслаев Ф.И. О литературе. Исследования, статьи. М.: Художественная литература, 1990. С. 450.

¹³ Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. Л.: Наука, 1984. С. 20-21.

¹⁴ Карамзин Н.М. Нечто о науках, искусствах и просвещении // Карамзин Н.М. Избранные статьи и письма. М.: Современник, 1982. С. 41.

ход слова «промышленность», «сосредоточить», «моральный», «эстетический», «эпоха», «спектакль», «гармония», «катастрофа», «будущность». Разумеется, он стал знаменем молодых русских европеев, объединившихся в общество «Арзамас». Противостоял же карамзинистам адмирал Шишков, который вместе с Г. Державиным основал литературное общество «Бесседа любителей российского слова» (1811) с уставом и своим журналом, к этому обществу примкнули П. Катенин, И. Крылов. Шишкову казалось, что реформа языка, осуществленная Карамзиным, антипатриотична и даже антирелигиозна. Шишков утверждал, что «новшествия» Карамзина «исказили» благородную и величественную его простоту, и упрекал Карамзина в неумеренном употреблении варваризмов («эпоха», «гармония», «энтузиазм», «катастрофа»). Но, как пишет современный немецкий славист Дирк Уффельманн, «Карамзин открыл как субъективная свобода соответствует независимости; Шишков же подчинил единичное сознание коллективным правилам»¹⁵. Эта независимость позволила Карамзину оставаться во всем верным самому себе. Но Пушкин видел русский язык глубже и точнее этих спорщиков. Пушкин писал Вяземскому (1–8 декабря 1823 г. Из Одессы в Москву): «Я желал бы оставить русскому языку некоторую библейскую похабость. Я не люблю видеть в первобытном нашем языке следы европейского жеманства и французской утонченности. Грубость и простота более ему пристали. Проповедую из внутреннего убеждения». Тем более, что французская утонченность, однако, не помешала состояться зверствам Французской революции.

Итак, просвещенный, европейский образованный молодой человек, поклонник европейской культуры, общавшийся с Кантом, Гердером, Вильандом, любивший, но не принявший Руссо, размышлял о принципах миропонимания по-своему. На его глазах правление Екатерины II сменилось деспотическим режимом Павла I. Затем Александр I. Закат жизни историка падает на правление Николая I. Четыре императора... Взлёт и крушение Французской революции. Наполеоновские войны. Отечественная война с французским нашествием... Напомню тютчевские строки: «Его призвали всеядие / Как собеседника на пир».

Из тех, «кто посетил сей мир в его минуты роковые», не каждый становится достойным собеседником богов. Карамзин стал. Прекраснодушный мечтатель, сентиментальный ревнитель Просвещения, он сумел увидеть суровую линию исторического развития. В 1794 году Карамзин написал:

И вижу ясно, что с Платоном
Республик нам не учредить,
С Питтаком, Фалссом, Зсоном,
Сердц жестоких не смягчить.
Ах! зло под солнцем бесконечно.
И люди будут — люди вечно...

Тоска и грусть его слов не требуют пояснений. Но именно эта жажда идтила обратила его к истории своего Отечества: чтобы понять, как жить, как можно воздействовать на жизнь, необходимо разобраться в принципах государственно-исторического устройства родной страны. Это была его личная потребность, по она совпада с общественной...

31 октября 1803 года Николай Михайлович Карамзин был назначен историографом с окладом тысячи рублей в год. Главный выразитель государственного самосознания император Александр I хотел знать историю государства, которым он управляет. К началу XIX века Россия вошла в тесный, небывалый ранее контакт с Европой как могучее и жизнеспособное государство, а не как стихийная азиатская орда. На взгляд европейцев, однако, Русское государство возникло почти что из ниоткуда. Необходим был взгляд, рассматривавший Россию не изолированно, а в новом историческом кон-

¹⁵ Uffelmann Dirk. Die russische Kulturophie. Logik und Axiologie der Argumentation. Frankfurt am Main. Peter Lang Verlag. 1999. S. 139.

тексте, в контексте европейской истории, пусть поначалу этот контекст и будет чисто литературным, мысленным, не выявленным научно (сравнения с Римом и Грецией, воспоминания о Тайге и Ливии, как пра/ицественниках, на которых ориентируется русский историк). Необходимо было показать, что Россия – страна с историей, а не случайный пришелец, страна, достойная своих европейских соседей. Вместе с тем необходимо учитывать и то обстоятельство, что общение с Европой шло теперь не только на государственном, но и на общественном уровне. В России, по мнению В.Г. Белинского, с конца XVIII века возникает общество, и это общество тоже хочет понять, что же оно такое, ибо оно не уверенено, что имеет достойное внимания историческое прошлое, особенно сравнивая рабскую жизнь России с европейскими свободами. «Восхищанье известного Фёдора Толстого, – замечает Эйдельман, – (после прочтения «Истории» Карамзина): «Оказывается, у меня есть Отечество!» – выражало ощущение сотен, даже тысяч образованных людей». Это была вторая линия, определявшая потребность в историческом исследовании. «Историк XIX века, – писал о Карамзине С. М. Соловьев, – уже предчувствует в истории науку народного самопознания; говорит, что она есть дополнение, изыскание настоящего и пример будущего. Мы сказали «предчувствует» потому, что это важное определение нисколько не развито в последующей речи, где, подобно историку XVIII века, историограф подробно развивает пользу истории как науки опыта для различных разрядов общественных деятелей. При сходстве возврата на предмет вообще должна быть различия в подробностях по самому рассмотрению, разделявшему время жизни обоих историков, по самому различию характера этого времени. Историк, бывший свидетелем великих политических бурь и потом восстановления порядка; историк, писавший при государе, который был главным виновником того восстановления, должен был обратить внимание преимущественно на то, как искони мятежные страсти волновали гражданское общество и какими способами обуздалось их бурное стремление, учреждался порядок»¹⁶. Это был человек, способный объединить эти два интереса в один и одухотворить его своим личным интересом, интересом свободной и независимой личности, которая пытается не предписывать истории свои законы, а постигать их. Мудрость, понятая молодыми современниками историка (включая и юного Пушкина) далеко не сразу.

Настоящий христианин, переживший отказ французов от христианства, увидевший в этом движении путь к кровавую пропасть, Карамзин надеется найти противоядие в истории. Он пишет: «Что Библия для христиан, то История для народов»¹⁷. Именно преодоление мятежных страстей народных ожидал он от исторического сочинения. Он хотел поставить русскую историю в контекст европейской, это был первый пункт его задачи. «Карамзин как великий писатель, был вполне русский человек, человек своей почвы, своей страны. Сначала он приступил к жизни, его окружавшей, с требованиями высшего идеала, идеала, выработанного жизнью остального человечества. Идеал этот, конечно, оказался несостоителен перед действительностью, которая окружала великого писателя... И Карамзин <...> стал историком «государства Российского»; он, может быть, сознательно, может быть, нет <...> подложил требования западного человеческого идеала под давление нашей истории, он *первый* взглянул на эту страшную историю под европейским углом зрения»¹⁸. Но он также хотел, чтобы, войдя в исторический контекст, Россия не забывала своих грехов и ужасов правления, помнила не только подвиги.

Это вот «золотое сечение», наложенное на историю, человеческая мера, применённая к историческим событиям и историческим деятелям, была мерой жизни самого Карамзина, мерой его отношения как к друзьям, противникам, так и к «сильным мира сего». Парадокс Карамзина в том, что, сохранив

в духе республиканские идеалы, он стал монархистом, ибо полагал, что самодержавие – не случайный эпизод для России, оно возникло исторически и есть некая гарантia от исторических потрясений, от выпадения России за пределы христианского развития.

В первых же строчках своей «Истории» он формулирует принципы своего подхода к мироустройству и не изменяет им далее.

«История в некотором смысле есть священная книга народов: главная, необходимая; зерцало их бытия и деятельности; скрижаль откровений и правил; завет предков к потомству; дополнение, изъяснение настоящего и пример будущего.

Правители, Законодатели действуют по указаниям Истории и смотрят на ее листы, как мореплаватели на чертежи морей. Мудрость человеческая имеет нужду в опытах, а жизнь кратковременна. Должно знать, как искони мятежные страсти волновали гражданское общество и какими способами благотворная власть ума обуздала их бурное стремление, чтобы учредить порядок, согласить выгоды людей и даровать им возможное на земле счастье. <...> Если всякая История, даже и неискусно написанная, бывает приятна, как говорит Плинний: тем более отечественная. Истинный Космополит есть существо метафизическое или столица необыкновенное явление, что нет нужды говорить об нем, ни хвалить, ни осуждать его. Мы все граждане, в Европе и в Индии, в Мексике и в Абиссинии;личность каждого тесно связана с отечеством: любим его, ибо любим себя. Пусть Греки, Римляне плелись воображение: они принадлежат к семейству рода человеческого и нам не чужие по своим добродетелям и слабостям, славе и бедствиям; по имени Русское имеет для нас особенную прелест: сердце мое еще сильнее бьется за Пожарского, нежели за Фемистокла или Сципиона. Всемирная История великими воспоминаниями украшает мир для ума, а Российская украшает Отечество, где живем и чувствуем»¹⁹.

Заметим, что Европа уже не исключение для Карамзина – она среди прочих. Первый удар по своему европеизму Карамзин получил от якобинцев, от их кровавого террора, когда благородные идеи Просвещения превратились в свою противоположность. Потом пришло время Наполеона, который, по словам историка, обагрил кровью Европу, разрушил в прах множество европейских держав, и имя его приводило сердца в содрогание. Если кратко определить его эволюцию, перемены взглядов, то это не просто любовь к Родине, а уверенность, что Россия, будучи европеской, имеет свой код развития. Вспомним, что и славянофилы, и западники начинали свое вхождение в интеллектуальное пространство с усвоения западноевропейских теорий, более того – с идеализации Запада. Классическим образом это ощущение выражено в часто цитируемых словах А.С. Хомякова о «дальнем Западе, стране святых чудес». Все, что создано на Западе, – писал Карамзин, – имеет общечеловеческий характер – такова исходная посылка обоих течений. «Все народноеничто перед человеческим. Главное дело быть людьми, а не славянами. Что хорошо для людей, то не может быть дурно и для русских, и что англичане или немцы изобрели для пользы, выгоды человека, то мое, ибо я человек»²⁰. Здесь очевидна почти слепая вера в Западную Европу. Тем сильнее наступило разочарование. Ужаснувшийся бесчеловечностью Французской революции, отказавшийся от многих базовых ценностей, прежде всего от защиты человеческой личности (одна казнь великого Лавуазье, почти пугачевская по своей жестокости), Карамзин начал искать возможность гуманизма в просвещенном российском самодержавии.

Здесь Карамзин подошел к важнейшей интеллектуально-гуманистической позиции, возможной для историка. «Молодые якобинцы», полемизировавшие с Карамзином, мечтавшие о немедленном создании республики по новгородскому образцу, не желали учитывать исторического своеобразия развития и становления России, решительными мерами надеясь превратить её в подобие Европы... Если вспомнить о крепостном праве, аракчеевских военных поселениях, солдатчине, то нетерпение понятное, естественное. Но в известном смысле путь к неподражательному, истинному европеизму,

¹⁶ Соловьев С. М. Н.М.Карамзин и его литературная деятельность: «История государства Российского // Соловьев С.М. Сочинения в восемнадцати книгах. Книга XVI. Работы разных лет. М.: Мысль, 1995. С. 49 (выделено мною. – В.К.)

¹⁷ Карамзин Н.М. Мысли об истории // Карамзин Н.М. Избранные статьи и письма. М.: Современник, 1982. С. 159.

¹⁸ Григорьев А.А. Западничество в русской литературе. причины происхождения его и силы // Григорьев А.А. Эстетика и критика. М.: Искусство, 1980. С. 186/

¹⁹ Карамзин Н.М. История государства Российского. Тома I–IV. Калуга: Золотая аллея, 1993. С. 6–7.

²⁰ Карамзин Н.М. Соch. В 2-х т. Т. 1. Л.: Художественная литература, 1984. С. 346.

о котором, как мы знаем, мечтал и Карамзин, возможен только через самопознание и самосознание, через реальное знание о себе и отказ от идеологических иллюзий, как консервативных, так и либеральных, во всяком случае, если и не отказ, то осмысление их. «Карамзин, — пишет исследователь, — не устает повторять своё: что общество, государство складываются естественно, закономерно и всегда соответствуют духу народа, что преобразователям, нравится или не нравится, придется с этим считаться. Он не сомневается, кстати, что и алжирский, и турецкий, и российский деспотизм, увы, органичны; эта форма не подойдет французу, шведу, так же как шведское устройство не имеет российской или алжирской почвы»²¹. Так что же делать? Принять самодержавие как последнее слово русской истории? В этом обвиняли Карамзина будущие декабристы. Но у историка была другая задача. Введение исторического параметра превращало хаос прошлого в закономерно развивающийся космос.

«Самодержавие есть наиладиум России; целость его необходима для ее счастья»²², — писал Карамзин. Пушкин был поначалу этим расстроен и написал эниграмму:

В его «Истории» изящность, простота
Доказывают нам, без всякой пристрастия,
Необходимость самовластвия
И прелести кнута.

С самодержцами у Пушкина были сложные отношения: Николай его погубил, но именно поэт стал певцом великого императора, писавшим «Полтаву», «Медного всадника», «Арапа Петра Великого». Самодержцы бывают разные, но это не отменяет идею. Зрелый Пушкин понял, что Петр и в самом деле был создатель России, великий работник. Хочу процитировать слова Бердяева, заметившего, что «многие наивные и непоследовательные люди думают, что можно отвергнуть Петра и сохранить Пушкина, что можно совершить разрыв в единой и целостной судьбе народа и его культуры. Но Пушкин неразрывно связан с Петром, и он сознавал эту органическую связь. Он был поэтом императорской, великодержавной России»²³. Связь двух строителей, как писал Г.П. Федотов, империя, Петром и Пушкины созданная. То, что Петр делал действительно, Пушкин закодировал, закрепляя в слове.

Самодержавною рукой
Он смело сеял просвещенье,
Не презирал страны родной:
Он знал ее предназначенье.

Это была империя, создающая цивилизованное пространство, охватывавшее самые разные социальные слои и разные народы. Не случайны слова Федотова, что Пушкин был «певец Империи и свободы»²⁴. Цивилизующее пространство Империи как раз и давало возможность свободы. «Петровская реформа действительно вывела Россию на мировые просторы, поставив ее на перекрестке всех великих культур Запада, и создала породу *русских европейцев* (курсив мой. - В.К.). Их отличает прежде всего свобода и широта духа — отличает не только от москвичей, но и от настоящих западных европейцев. В течение долгого времени Европа как целое жила более реальной жизнью на берегах Невы или Москва-реки, чем на берегах Сены, Темзы или Шпрее. <...> Русский европеец был дома везде»²⁵. Именно русские европейцы оказались в эпоху тоталитаризма защитниками европейской свободы. А в истоке их идей — из русских мыслителей — был Николай Михайлович Карамзин.

²¹ Эйдельман Н.Я. Последний летописец. М.: Книга, 1983. С. 139.

²² Карамзин Н.Я. Записка о древней и новой России. М.: Наука, 1991. С. 105.

²³ Бердяев Н.А. Россия и Великороссия // Бердяев Н.А. Луковитные основы русской революции. Опыты 1917–1918 гг. СПб.: РХГИ, 1999. С. 237.

²⁴ Федотов Г.П. Судьба и грехи России. В 2-х т. Т. 2. СПб: София, 1991. С. 141.

²⁵ Федотов Г.П. Письма о русской культуре // Федотов Г.П. Судьба и грехи России. В 2-х т. Т. 2. СПб: София, 1991. С. 178.

Каждая страна имеет свой палладиум, чтобы состояться как свободная европейская держава. Нельзя сказать, что Карамзин интеллектуально победил Пушкин, просто он дал ему ориентир. И Пушкин попал мелочностью русских «младоякобинцев», и благородство замысла Карамзина.

Именно Петербург, город, построенный Петром, стал «камнем преткновения» (прошу прощения за случайный каламбур) в рассуждениях и спорах о возможной судьбе России. Еще до славянофилов, до Герцена, Бакунина, Достоевского и большевиков, ненавидевших этот город, по поводу судьбы Петербурга столкнулись два великих поэта — Мицкевич и Пушкин. Мицкевич отказался Петербургу в праве называться европейским городом и творением человеческих рук, цивилизующих окружающую природу. В своем сочинении «Дядь», созданном в 1832 г. (после поражения польского восстания) и полном ненависти к России — с желанием вывести ее за пределы европейской культуры, он написал:

У зодчих поговорка есть одна:
Рим создан человеческой рукой,
Венеция богами создана;
Но каждый согласился бы со мною,
Что Петербург построил сатана.

Весь «Медный всадник» — ответ Мицкевичу и своя трактовка петербургской судьбы. Пушкин объясняется в любви к городу: «Люблю тебя, Петра творенье! Город — «Петра творенье», как и вся новая русская культура, как и сам Пушкин. Но, быть может, Петр и есть сатана. Так по крайней мере говорили сторонники московских обычаев. Для Пушкина давно решено, что Петр — выражение Божьих по-мыслов о России».

Он прекрасен,
Он весь как Божия гроза.

Надо сказать, что Карамзин был много глубже, чем сторонник той или иной формы правления. И это тоже Пушкин понял и принял. Незадолго до своей кончины историк написал несколько, не скажу, гениальных, но весьма мудрых фраз. В основе человеческой жизни лежит Божье Провидение, и человек должен это чувствовать:

«Державы, подобно людям, имают определенный вск свой: так мыслит философия, так веет история. Благоразумная система в жизни продолжает вск человека, — благоразумная система государственная продолжает вск государства; кто исчислит грядущие лета России? Слыши пророков близокочечного бедствия, но, благодаря Всеизвестному, сердце мое им не верит, — вижу опасность, но еще не вижу погибели!»²⁶

Тем не менее он понимал, что рано или поздно это произойдет. Есть ли выход?

В 1826 г. Николай Михайлович Карамзин написал «Мысли об истинной свободе». Эти мысли стоит прочитать внимательно, еще лучше провести по ним семинар, но хотя бы увидеть:

«Аристократы, Демократы, Либералисты, Сервилисты! Кто из вас может похвалиться искренностью? Вы все Авгурьи, и боитесь заглянуть в глаза друг другу, чтобы не умереть со смеху. Аристократы, Сервилисты хотят старого порядка: ибо он для них выгоден. Демократы, Либералисты хотят нового беспорядка: ибо надеются им воспользоваться для своих личных выгод.

Аристократы! Вы доказываете, что вам надо быть сильными и богатыми в утешение слабых и бедных; но сделайте же для них слабость и бедность наслаждением! Ничего нельзя доказать против чувства: нельзя уверить голодного в пользу голода. Дайте нам чувство, а не теорию. — Речи и книги Аристократов убеждают Аристократов; а другие, смотря на их великолепие, скрежещут зубами, но молчат

²⁶ Карамзин Н.Я. Записка о древней и новой России. С. 109.

или не действуют, пока обузданы законом или силой: вот неоспоримое доказательство в пользу Аристократии: палица, а не книга! — И так сила выше всего? Да, всего, кроме Бога, дающего силу!

Либералисты! Чего вы хотите? Счастья людей? Но есть ли счастье там, где есть смерть, болезни, пороки, страсти?

Основание гражданских обществ неизменно: можете низ поставить на верху, но будет всегда низ и верх, воля и неволя, богатство и бедность, удовольствие и страдание.

Для существа нравственного нет блага без свободы; но эту свободу дает не Государь, не Парламент, а каждый из нас самому себе с помощью Божией. Свободу мы должны завоевать в своем сердце миром совести и доверенности к Провидению!²⁷

Поразительно, что П.Я. Чаадаев, которого ругают как ненавистника России, беспощадного западника, прежде всего оценил в Карамзине интеллектуального, духовного творца великой страны — России: «Что касается в особенности до Карамзина, то скажу тебе, что с каждым днем более и более научаясь чтить его память. Какая была воззвщенность в этой душе, какая теплота в этом сердце! Как здраво, как толково любил он свое Отечество! Как престодушно любовался он его огромности, и как хорошо разумел, что вся смысль России заключается в этой огромности! А между тем, как и всему чужому знал цену и отдавал должную справедливость! Где это пынче пайдет? А как писатель, что за стройный, звучный период, какое верное эстетическое чувство! Живописность его пера необычайна: в истории же России это главное дело; мысль разрушила бы папу историю, кистью одною можно ее создать»²⁸.

Свобода государства рождается только — и только! — через духовную свободу и независимость личности. Вряд ли кто задумывался, но все последние философические стихи Пушкина пронизаны по-карамзински понятой идеей христианской свободы. Путь к свободе идет через самопознание: «но дай мне зреть мои, о Боже, прегрешенья».

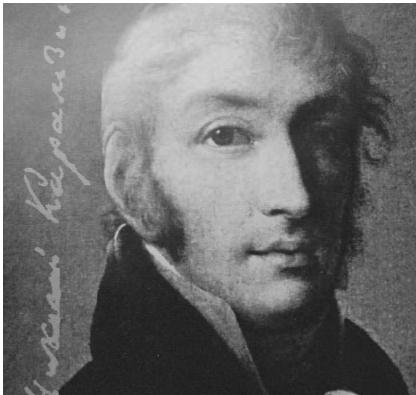
И гениально-лаконично дал эту философскую формулу в своем реквиеме:

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я Свободу
И милость к нациям призывал.

Всльню Божию, о муга, будь послушна,
Обиды не страшася, не требуй венца,
Хвалу и клевсту приемли равнодушно
И не оспаривай глупца.

Был ли Карамзин консерватором, как уверяют сегодня многие? Но консерватор — хранитель неполновекности, а Карамзин вводил новые смыслы и перестраивал российское сознание. Он был человеком меры — в понимании Аристотеля. Как Аристотель, он выступал за «золотую середину», которая есть понятие, противоположное посредственности; это своего рода совершенство или вершина, напоминающая линию хребта между двумя безднами, или между пропастью и болотом, или, точнее, между Сицилий и Харибдой. Но это понятие меры в России плохо усваивалось как властью, так и оппозицией. Поэтому Карамзин так важен и сегодня.

²⁷ Карамзин Н.М. Мысли об истинной свободе // Карамзин Н.М. Избранные статьи и письма. М.: Современник, 1982. С. 161.
²⁸ Чаадаев П.Я. Письмо А.И. Тургеневу. 1838 // Чаадаев П.Я. Сочинения. М.: Правда, 1989. С.411-412.

Виктор ЯРОШЕНКО

БЕЗ СТРАХА И НАДЕЖДЫ

Из записей разных лет

Творец всегда изображается в творении, и часто против своей воли

Н.М. Карамзин

Европейцы садили-плакали в Россию издавна: дружинами, ватагами, торговыми флотами, многогодовыми посольствами, группами и порою; многие впоследствии писали о ней. Русские тоже посыпали Европу, а со времен Петра эти «командироны» стали регулярным и обычным делом, необходимым для многих карьер.

Разделение мира на «Восток» и «Запад» произошло сравнительно поздно, в конце XVIII века.

Карамзин в своем «Путешествии...» все время называет себя посланцем Севера.

Ларри Вульф²⁹ показывает, как западноевропейские путешественники в своих книгах воспринимали и «изобретали» Восточную Европу, пишет об их пристрастно-пренебрежительном и, в общем-то, до сих пор не изменившемся отношении к европейскому Востоку. Российских авторов Вульф даже не цитирует, разве что на последней странице упоминается Лев Толстой. Карамзина и его европейское путешествие он не отмечает, хотя приводит многочисленные цитаты из путешествий европейцев тех же лет и буквально по днам по тому же маршруту — по в обратном направлении: из Парижа и Лондона в Москву

и Петербург. Тем интереснее сопоставить впечатления юного Карамзина с восприятиями европейцев.

Граф Луи Филипп де Сегюр участник Войны за независимость в Северной Америке (1775–1783), зимой 1784/85 года проехал через Восточную Европу как посланник Людовика XVI ко двору Екатерины II.

Сегюр писал:

«Попав в Польшу, начинаешь верить, что окончательно покинул Европу...» порабощенное население, грязные деревни, жилища, лишь немногим отличающиеся от жилищ дикарей, — все всплывает мысль, что ты перепесся на десять столетий назад к полчищам гуннов, скифов, венедов, славян и сарматов».

...Он еще не доехал до Петербурга, но у него уже был наготове образ города: «Вид Петербурга вызывает двойное удивление: здесь слились век варварства и век цивилизации, X и XVIII столетия, азиатские и европейские манеры, грубый скиф и утонченный европеец, блестящая гордая знать и погруженный в рабство народ».